

Фрагмент из романа

Michael Kumpfmüller
Die Herrlichkeit des Lebens

Kiepenheuer & Witsch, Köln 2011
ISBN 978-3-462-04326-6

S. 11-26

Михаэль Кумпфмюллер
Великолепие жизни

Перевел с немецкого Михаил Рудницкий

Посвящается Эве

"Волне допустимо помыслить, что великолепиие жизни залегает повсюду и вокруг каждого, уготованное для нас, но незримое, роковым образом сокрытое где-то глубоко, в неведомых недрах. Однако оно покоится там не враждебное, не строптивное и не глухое к нам. Стоит вызвать его верным словом, окликнуть истинным именем - и оно явится. В этом суть колдовства: оно не творит, а лишь вызывает."

Франц Кафка Дневники 1921

Часть первая / Прибытие

1

Господин доктор приезжает в пятницу поздним июльским вечером. Последний отрезок пути, от станции в открытой пролетке, был просто нескончаем, все еще стояла жара, он измотан дорогой, но теперь он наконец-то на месте. Элли с детьми встречают его в холле. Он едва успевает поставить багаж, а на нем уже виснут Феликс и Герти, обнимают, что-то наперебой галдят. Они сегодня спозаранок были на море, готовы и сейчас вести его туда, показать, что они там построили, настоящую крепость из песка, огромную, там на пляже полно таких. Да оставьте же его, увещевает Элли с заспанной малюткой Ханной на руках, но они не перестают захлеб рассказывать о сегодняшних своих подвигах. Элли спрашивает:

- Как доехал? Есть хочешь?

Доктор прикидывает, хочется ли ему есть, но аппетита никакого. Тем не менее он ненадолго поднимается вверх, взглянуть на снятую квартиру, дети, им одиннадцать и двенадцать, спешат показать, где спят они, но находят уйму отговорок, почему им еще рано ложиться. Горничная приготовила для него тарелку с орехами и фруктами, тут же и графин с водой, он пьет, говорит сестре, до чего он ей благодарен, ведь ближайшие три недели он будет здесь столоваться, они будут много времени проводить вместе, вот тогда-то и выяснится, насколько он к такой совместной жизни готов.

Доктор возлагает на этот отдых большие надежды. Последние месяцы стали для него сущей мукой, оставаться у родителей было уже совсем невмочь, тут-то как нельзя кстати и подоспело приглашение отдохнуть на Балтийском взморье. Квартиру сестра нашла по газетному объявлению, которое сулило отличные постели, добротные цены, балконы, веранды, лоджии, и все это прямо у сосновой рощи с восхитительным видом на море.

Его комната расположена в другом конце коридора. Не слишком просторная, но письменный стол есть, матрас жесткий, к тому же в сторону леса обещанием покоя выходит узенький балкон, правда, из близлежащего здания слышны детские голоса. Он распаковывает вещи: пару костюмов, белье, чтение, писчая бумага. Можно прямо сейчас отчитаться Максу о том, как прошли переговоры в новом издательстве, но это не поздно будет сделать и на днях. Было так странно столько лет спустя вновь оказаться в Берлине, а сутки спустя он уже здесь, в Мюритце, в пансионе, который имеет самонадеянность именоваться "Удачей". Элли уже отпускала какую-то шутку по этому поводу, она надеется, что здесь, на морском воздухе, доктор прибавит несколько кило, хотя оба они знают, что вероятность не слишком велика. Все повторяется, думает он,

все последние годы он проводит лето в отелях или санаториях, а потом долгие зимы в городе, где он иной раз неделями с постели не встает. Он рад, что может побыть один, ненадолго выходит посидеть на балкон, где все еще слышны голоса, потом отправляется спать и сразу, без малейших затруднений, погружается в сон.

Пробудившись поутру, он выясняет, что проспал восемь часов с лишним. Он тотчас же вспоминает, где он: на взморье, в этой комнате, далеко ото всего, что знакомо до боли. Детские голоса, под которые он вчера засыпал, уже снова тут как тут, поют что-то, как нетрудно определить, на древнееврейском. Наверно, с востока, думает он, сейчас ведь создают летние лагеря отдыха для таких детей, Пуа, его преподавательница иврита, кажется, говорила, что и в Мюритце такой лагерь есть, а он, оказывается, вот он, совсем по соседству. Доктор выходит на балкон взглянуть, что там творится. С пением тем временем покончено, теперь все дети сидят перед домом за длинным столом и завтракают, весьма шумно и радостно. Год назад в Плана ему подобный шум очень мешал, а сейчас этот веселый неугомонный галдеж его почти радует. Он спрашивается у сестры, известно ли той что-нибудь об этих детях, но она не знает ровно ничего и, похоже, удивлена, с какой стати он этим обеспокоен, спрашивает, хорошо ли он спал, доволен ли комнатой, да-да, он доволен и уже радуется предстоящему походу на пляж.

До пляжа идти почти четверть часа, это дольше, чем он предполагал. Герти и Феликс несут сумки с купальными принадлежностями и провиантом, то убегают вперед, то снова возвращаются - он за ними явно не поспекает. Море, серебристое и гладкое, сверкает на солнце, повсюду полно детишек в пестрых купальниках, они с восторгом плещутся на мелководье, некоторые играют в мяч. По счастью, справа от мостков причала Элли арендовала для него

персональную пляжную кабинку, нечто вроде плетеного кресла с плетеным же верхом, откуда ему все прекрасно видно. Вокруг, среди таких же пляжных кабинок, во множестве высятся замки и крепости из песка, по колено вышиной, по меньшей мере каждая вторая цитадель украшена выложенной из ракушек звездой Давида.

Герти и Феликс рвутся в воду и счастливы, что он тоже идет купаться. Возле берега вода теплая, как в домашней ванне, но он заплывает с обоими детьми подальше, где уже попадаются полосы холодных течений. Герти очень хочет, чтобы он научил ее, как изобразить утопленника, да это же проще простого, - и вот уже все трое, лежа на спинах, дрейфуют в искрящейся воде, пока с берега не раздастся тревожный окрик Элли. Ему нельзя так усердствовать, увещевает сестра. Или это не у него вчера вечером был легкий жар? Был, соглашается доктор, но сегодня с утра температуры нет. Тем не менее ему приятно просто посидеть в пляжной кабинке, жара стоит несусветная, наверняка далеко за тридцать, на солнце выдержать невозможно. Феликсу и Герти тоже на солнце жариться ни к чему, они сейчас выкладывают из сосновых шишек его инициалы. Он долго сидит и просто смотрит на детей, время от времени до него доносятся обрывки разговоров на идиш, строгие голоса воспитателей, все они, пожалуй, не старше двадцати пяти. Герти уже пообщалась с группой девочек и на его вопрос охотно сообщает: да, они все из Берлина, сюда приехали на лето, как и мы, живут в доме отдыха по соседству.

Доктор мог бы сидеть так часами. Элли то и дело спрашивает, как он себя чувствует - и все время этим озабоченным материнским тоном, который он давно за ней заметил. С Элли никогда не поговоришь так, как можно поговорить с Оттлой, и тем не менее он сам заводит разговор о Бергманах, Хуго и Элзе, которые зовут его поехать вместе с ними в Палестину, в Тель-Авив, где, кстати,

тоже есть пляж, на котором, как и здесь, наверняка резвятся детишки. Элли не считает нужным по этому поводу долго распространяться, доктор и так прекрасно знает, какого мнения она о подобных прожектах, в сущности он и сам в них не верит. Но дети для него большая радость, он счастлив и благодарен, что может побыть с ними. Среди всей этой кутерьмы ему даже удается соснуть, больше часа, в самый разгар полуденного зноя, пока Герти и Феликс снова не тащат его в воду.

На второй день он начинает узнавать некоторые лица. Глаза уже не скользят по окружающим без разбора, у него появились предпочтения, где-то замечена пара стройных девичьих ног, губы, волосы, щетка, которой по этим волосам проводят, тут и там чей-то взгляд, вон высокая брюнетка, которая уже не в первый раз на него посматривает, а потом поспешно отводит глаза, делая вид, будто он вовсе ее не интересуется. Двух-трех девочек он уже различает по голосам, наблюдает, как они там, вдалеке, прыгают в воду, как бродят по горячему песку, взявшись за руки и беспрестанно хихикая. Он затрудняется определить их возраст. То кажется, что им все семнадцать, а то вдруг они совсем еще дети, и именно эта переменчивость впечатлений более всего ему приятна, заставляя интересоваться ими снова и снова.

Более всех ему приглянулась высокая брюнетка. Можно, конечно, спросить у Герти, как ее зовут, ведь Герти уже с ней разговаривала, но обнаруживать свое любопытство подобным образом ему не хочется. Эту темноволосую он бы с удовольствием рассмешил, ведь она, к сожалению, совсем не смеется. Вид у нее слегка строптивый, как будто она давно на что-то обижена или злится. Уже в пансионе он смотрит с балкона, как в саду летнего лагеря она накрывает стол к ужину, а позже, вечером, видит ее в главной женской роли в самодеятельном спектакле. Ему не слышно, что она произносит, но видно, как она двигается, с каким упоением

играет, судя по всему, роль невесты, которую выдают замуж против ее воли, так, во всяком случае, ему видится разыгрываемый сюжет, он слышит смех детей, аплодисменты, в ответ на которые темноволосая неоднократно выходит на поклоны.

Позже, когда он рассказывает об этом Элли и детям, в голосе его различима грусть. До войны он знал многих людей театра, неистового Леви, которого так презирал его отец, молоденьких актрис, которые едва справлялись с текстом на идиш, но сколько силы, сколько страсти было в их игре и как он тогда во все это верил...

Когда на следующее утро Герти подводит темноволосую к его пляжной кабинке, он впервые видит, как та улыбается. Поначалу девушка робеет, но когда он говорит ей, что видел вчера ее на сцене, мало-помалу преодолевает скованность. Он узнает, что зовут ее Тиле, делает ей комплименты. Дескать, она выглядела как настоящая актриса, на что она с живостью возражает: хотелось бы надеяться, что выглядела она как настоящая невеста, она же не актрису играла. Доктору ее ответ нравится, оба смеются и явно не прочь познакомиться поближе. Да, подтверждает девушка, она из Берлина, и даже знает, кто такой господин доктор, в книжной лавке, где она работает, всего лишь пару недель назад она выкладывала на витрину одну из его книг. Подробнее она, похоже, рассказывать о себе не склонна, по крайней мере в присутствии стоящей рядом Герти, а раз так, господин доктор предлагает ей прогуляться вместе до мостков причала. Как выясняется, она хочет стать танцовщицей, и именно с этим связано ее подавленное настроение, ведь она в ссоре с родителями, которым вздумалось воспрепятствовать этому ее намерению во что бы то ни стало. Господин доктор не очень знает, как и чем ее утешить, избранная ею профессия столь же прекрасна, сколь и трудна, но если она верит в свое призвание, значит,

действительно будет танцевать. Он лично уже сейчас видит ее парящей над сценой, видит, грациозный изгиб ее фигуры, благоговейные, легчайшие взлеты ее рук и ног. Она мечтает об этом с восьми лет, чувствует в себе танец всем телом. Доктор долго ничего не отвечает, пока она, полуженщина, полудитя, выжидательно на него смотрит.

Они гуляют вместе и на следующий день, и через день тоже. Девушка долго думала над словами господина доктора, но не уверена, правильно ли его поняла. А доктор задним числом недоволен своим ответом, может, не стоило укреплять девушку в ее мечте, откуда у него такое право? Он рассказывает ей о своей работе в страховом агентстве и о том, что чувствует ночами, когда пишет, - правда, сейчас ему не пишется, да и в агентстве он больше не служит, он уже год как на пенсии, только благодаря этому и сидит сейчас тут, на причале, и беседует с очаровательной берлинкой, которая через несколько лет будет танцовщицей. Вот теперь она снова улыбается и приглашает доктора завтра к ним на ужин, вечером в пятницу у них в летнем лагере всегда бывает небольшой праздник, она уже и у воспитателей получила разрешение его позвать. Он соглашается сразу же, среди прочего и потому, что таким образом в свои сорок лет впервые в жизни будет праздновать иудейский вечер пятницы.

Уже после обеда он со своего балкона может наблюдать за приготовлениями. Он уединился в своей комнате и пишет открытки - о море и о призраках, от которых ему, похоже, пока что удалось бежать. Пишет Роберту и Бергманам, подчас одними и теми же фразами, особенно пространно - о детях. От Тиле он узнал, что их летний лагерь называется "*Детское счастье*", и вот что в связи с этим он пишет: "Чтобы проверить свою транспортабельность, я после стольких лет головных болей и постельного режима сподвигнулся на

небольшое путешествие к Балтийскому морю. В одном мне точно посчастливилось. В пятидесяти шагах от моего балкона расположен летний лагерь берлинского народного интерната для еврейских детей. Сквозь кроны и между стволами деревьев я вижу, как играют дети. Радостные, азартные, полные здоровья. Дети восточных евреев, спасенные западными евреями от берлинского лиха. По полдню и до глубокой ночи дом, лес и пляж наполнены детским пением. Когда я среди них, я не то чтобы счастлив, но на пороге счастья."

У него еще остается время для короткой прогулки, после чего он неспешно начинает готовиться к вечеру, достает из шкафа темный костюм, проверяет перед зеркалом, как повязан галстук. Ему любопытно все, что его ждет: сам распорядок праздника, пение, лица, - но и только, ничего больше он для себя в этот вечер не сулит.

2

Дора сидит за кухонным столом и как назло потрошит рыбу для ужина. Она уже несколько дней о нем думает, и вдруг, нежданно-негаданно, он тут как тут, и надо же, чтобы именно Тиле его привела, причем одного, без той женщины на пляже. Он стоит в дверях и первым делом смотрит на рыб, потом на ее руки, как ей кажется, с немым укором, но это несомненно он - тот самый мужчина с пляжа. Она настолько растеряна, что толком не слышит, что он ей говорит, а он что-то говорит о ее руках, такие нежные руки, говорит он, и такая кровавая им досталась работа. При этом смотрит на нее с живым интересом, явно удивляясь всякому делу, которым ей, кухарке, положено тут заниматься. К сожалению, он остается совсем ненадолго. Тиле хочет

показать ему весь дом, он лишь на секунду задерживается около стола, и вот его уже и след простыл.

Какое-то время она сидит, словно оглушенная, слышит из-за двери голоса, смех Тиле, удаляющиеся шаги. Что же теперь, спрашивает она себя, представляет себе, как он уже стоит в комнате Тиле и даже не знает, что это и ее, Доры, комната тоже. Скажет ли ему об этом Тиле? Сдается ей, что скорее нет. Она вспоминает, как впервые заметила его на пляже, с этой женщиной и тремя детьми. На женщину она особо и не смотрела, а вот с него, молодого еще мужчины, почти не сводила глаз, следила, как он плавает, как двигается, как с книжкой в руках сидит в своей пляжной кабинке. Поначалу, из-за смуглого цвета кожи, она вообще решила, что он наполовину индеец. Ведь он женат, сказала она себе, на что ты надеешься, - и несмотря ни на что продолжала надеяться. Однажды пошла следом за ним и всем его семейством до поселка, он ей даже снился, впрочем, как и Ханс, но о Хансе сейчас лучше не думать, разве что по обязанности, потому что вроде так положено.

Два часа спустя, за ужином, она видит господина доктора снова. Он сидит далеко, на другом конце стола, рядом с Тиле, которая, кажется, того и гляди лопнет от гордости, потому что если бы не Тиле, он бы не пришел. Вот уже два дня как от нее только и слышно, господин доктор да господин доктор, он писатель, в пятницу вы его увидите, а оказывается, он не кто иной, как тот самый мужчина с пляжа. Тиле только что его всем торжественно представила, теперь произносится благословение, преломляются хлеба, разливается вино. У доктора такой вид, будто все это ему в диковинку, но он снова и снова, в течение всего ужина, посматривает на нее, этим странным взглядом, полным тоски и, как ей кажется, давно ей знакомым. Позже, уже на прощание, он подходит к ней спросить, как ее зовут; его-то имя она уже знает, что ж, она называет себя. Он смотрит на

нее своими синими глазами, кивает, раздумывая об ее имени, судя по всему, оно ему нравится.

Она говорит, да нет, почти выпаливает:

- А я вас видела на пляже, с женой, - хотя ведь точно знает, никакая это не жена, не может быть, чтобы жена, иначе отчего у нее стало так легко на сердце, когда он сегодня на кухне около нее остановился?

Доктор со смехом подтверждает ее догадку: это его сестра. И дети - это тоже дети сестры, здесь и вторая его сестра, Валли, с мужем Йозефом, вероятно, и они уже попадались ей на глаза. И тут же спрашивает, можно ли надеяться увидеть ее снова. "Мне бы очень хотелось увидеть вас снова", говорит он, или: "Надеюсь, мы еще увидимся", - и она тотчас же отвечает: "Да, с удовольствием", потому что она тоже хочет увидеть его снова.

- Завтра? - спрашивает она, а сама так и хочет выкрикнуть: "Как только вы проснетесь! И вообще когда вам угодно!"

Он предлагает увидеться на пляже, после завтрака, хотя ей-то милей всего было бы встретиться с ним наедине у себя на кухне. Но он и Тиле тоже приглашает. Она, Дора, и думать забыла, что Тиле вообще существует на свете, но она тут как тут, к сожалению, и всякому видно, что она в доктора уже по уши влюблена, а ведь ей только семнадцать и с мужчинами у нее наверняка еще ничего не было.

Доре эта девчонка сразу понравилась, наверно, потому, что она и сама немного такая же: что на уме, то и на языке. Не сказать, чтобы Тиле такая уж хорошенькая, но сразу видно, сколько в ней жизни и как она любит свое тело, длинные стройные ноги, и вправду как у танцовщицы. Доре уже случалось видеть, как она танцует - и как плачет, а потом вдруг, в ту же секунду, уже смеется, словно апрельское солнышко, внезапно выглянувшее из-за туч.

Было уже далеко за полночь, а Тиле все еще во всех подробностях пересказывала ей визит господина доктора, слово в слово повторяя, что тот сказал о лагере, о доме, о еде, о праздничном настроении и о том, какие все радостные. Дора помалкивает, у нее свои впечатления, в которые она теперь вслушивается, которым тем или иным образом себя вверяет, словно и этот мужчина, и немногие мгновения, когда он был с ней рядом, и вправду есть нечто, чему ей следует верить. Тиле давно уже спит, а в ней только-только начинает вширь и вглубь расти что-то неведомое, то ли звук, то ли аромат, сперва почти неощутимый, а затем все более мощный, завладевающий ею всецело.

Утром на пляже он, здороваясь, протягивает ей руку. Он ее ждал, но у нее утомленный вид. Он как будто безмолвно спрашивает: "Что случилось?" Но поскольку рядом Тиле и его племянница Герти, она только неопределенно ему улыбается, что-то говорит о море, об освещении, о том, как она этот свет ощущает, теперь, после вчерашнего, хотя вчера они и сказали-то друг другу лишь несколько слов - но теперь этим словам, этим взглядам суждено остаться с ней на всю жизнь. Купаться он, судя по всему, не хочет, а вот Тиле рвется в воду, благодаря чему у них теперь есть несколько минут друг для друга. Но его сестра там, вдали, их уже заприметила, - и как только Доре могло в голову взбрести, что это жена?

Зато теперь они говорят, и сами себя не слышат, ибо едва один скажет слово, оно улетучивается, они сидят на пляже, будто в воздушном колоколе, под которым гложут все звуки. Доктор задает ей множество вопросов, откуда она, где и как живет, а сам смотрит на ее губы, неотрывно и только на губы, что-то шепчет о ее силуэте, о ее волосах, о том, что он видел, что сейчас видит - и все это беззвучно, без единого слова. А теперь говорит она, об отце, о том, как убежала, сперва в Краков, потом еще дальше, в Бреслау,

прочь, все дальше прочь, словно только для того и убегала, чтобы однажды, вот здесь, рядом с этим мужчиной оказаться. Рассказывает о своих первых неделях в Берлине, это она еще может вспомнить, и как потом вдруг все оборвалось, потому что Тиле пришла и сзади неожиданно обняла ее мокрыми руками, - тут она вздрогнула и сразу спохватилась, ей же на кухню пора. Доктор тут же поднимается, спрашивает, можно ли ее проводить, к сожалению, и Тиле увязывается с ними, но зато она успевает и сегодня пригласить его на ужин.

Рыбы сегодня не будет, сегодня она перебирает в миске фасоль. Она надеялась, что он придет.

- О, как приятно, и так рано, садитесь же, я так рада, - говорит она.

Господин доктор наблюдает, как она работает, довольно долго, потом признается, что ему доставляет удовольствие на нее смотреть, заметила ли она это? На нее наверняка и в Берлине с удовольствием смотрят, на что она, сама не зная почему, отвечает: да, то и дело, на улице, в электричке, в ресторанах, то есть, она хотела сказать, смотрят, но не совсем так, как господин доктор. И тут же они оказываются в Берлине. Доктор любит Берлин, даже знает еврейский народный интернат и интересуется, как она стала кухаркой, а чуть позже просит, чтобы она что-то сказала ему на древнееврейском, который он в последние годы пытается учить у преподавательницы по имени Пуа, к сожалению, правда, без особого успеха. Подумав немного, она произносит фразу, что хотела бы вечером сидеть с ним рядом, на что он, не без ошибок, отвечает, что полночи об этом мечтал, и, церемонно склонившись над ее рукой, как бы в шутку, чтобы ее не испугать, и в самом деле целует ей руку. Но она все равно пугается. И чуть позже, когда она картошку чистит, а он как бы невзначай до ее руки дотрагивается, она пугается снова, не столько его, сколько саму себя - такое неистовство, такую беспомощную

готовность ему покориться она в себе чувствует, словно никаких условностей между ними вообще нету.

В воскресенье после ужина они идут гулять. На сей раз у них настоящее свидание, о котором они условились на пляже, незаметно от Тиле, чтобы не обидеть девочку, которая по-прежнему ведет себя так, словно господин доктор принадлежит ей и только ей. После обеда, когда все идут купаться, Дора вдруг понимает, что невольно себя с Тиле сравнивает. На своих длинных ногах та стремглав убегает по мелководью, оставляя за собой искрящиеся фонтаны брызг, но господин доктор, который сейчас почему-то кажется Доре еще более тонким и хрупким, чем прежде, почти не смотрит ей вслед. Он и на нее, Дору, поглядывает лишь изредка, но ей кажется, она чувствует на себе этот его взгляд, изучающий ее руки, ноги, бедра, грудь, да, и ей нравится, что он все это разглядывает и сводит для себя в некий единый образ, не столько с вопросительным удивлением, а словно утверждаясь в том, что в общем и целом и так давно знал. Вода под ногами теплая, ленивая, какое-то мгновение оба медлят, но Тилле вдали уже требовательно зовет, торопит, надо надеяться, она ничего не заметила.

Когда утром доктор представил ее своей сестре, та была скорее любезна, чем приветлива. Она о Доре от брата уже наслышана. Знает, что Дора работает в летнем лагере кухаркой и славится своей стряпней на весь Мюритц. Зато Дора знает, что, если бы не Элли, она бы с господином доктором не познакомилась. Ей нравится, как она о нем говорит, ее брат, уверяет Элли, к сожалению, едок никудышный, нужно ангельское терпение и много любви, чтобы уговорить его хоть что-нибудь съесть.

На прогулку Дора надевает свой темно-зеленый пляжный сарафан. Уже начало десятого, но все еще светло, и ей так радостно идти рядом с ним и чувствовать, что он

рад ничуть не меньше. Они могли бы сесть вон там, на одну из скамеек, что на первом причале, и разглядывать фланирующих курортных гостей, но доктор хочет пройти дальше, на второй причал. Дора сняла туфельки, она любит ходить босиком по песку, доктор берет ее под руку - и в тот же миг они снова в Берлине. Доктор знает Берлин еще с довоенной поры, она поражена, насколько хорошо он помнит город, он называет места, что были когда-то для него важны, отель "Асканийское подворье", где ему однажды довелось пережить ужасный день, и тем не менее ему хотелось бы спустя столько лет побывать в Берлине снова.

- Что, правда? - удивляется она, ведь саму-то ее забросило в этот город скорее случайно, три года назад это было. Он спрашивает, в каком районе она живет, как ей там, он вообще странными вещами интересуется, ценами на хлеб и молоко, сколько платят за отопление, настроениями людей на улице, теперь, когда война уже пять лет как кончилась. В Берлине всюду сутолока и хамство, и беженцев с востока полным-полно, отвечает она, в квартале, где она живет, от них прохода нет, повсюду эти оборванцы, целыми семьями, попрошайничают, поют, и все с этого жуткого востока.

Прогулка вдоль пляжа тем временем кончена, в тусклом свете фонаря они сидят на узкой скамье на дальних мостках второго причала. Но разговор и мысли все еще о Берлине, доктор рассказывает о своем друге Максе, у которого в Берлине дама сердца по имени Эмми. Тут и ей, к сожалению, приходится в двух словах сообщить о Хансе, по крайней мере упомянуть о нем она должна, тем более, что доктор вспоминает о своей бывшей невесте, но с тех пор сто лет прошло. Он предается мечтаниям вслух - как славно было бы переехать в Берлин, на что она с живостью откликается, это было бы замечательно, она бы ему все показала, театры, варьете, толкучку на Александерплатц, но есть и тихие уголки, ближе к окраинам, в Штеглице или на Мюггельзее,

где город уже почти превращается в деревню. Кто бы мог подумать, вздыхает доктор. Поехать на море, а очутиться в Берлине. Ему сейчас очень хорошо вот так с ней сидеть. Ей тоже.

Мостки тем временем мало-помалу пустеют, скоро, наверно, уже полночь, лишь тут и там одинокие пары, спящие чайки на дощатом настиле причала и где-то совсем вдалеке огни отеля. Поднялся легкий ветерок, доктор спрашивает, не холодно ли ей, может, ей пора домой, нет, она хочет еще побыть тут, пусть он расскажет о своей невесте и об этом жутком дне, если, конечно, это не одно и то же, на что доктор отвечает, да, в сущности одно и то же.

Ночью она долго лежит без сна. Было около половины второго, когда доктор проводил ее до дома, а вскоре началась гроза, казалось, она бушует прямо над их крышей, между вспышками молний и ударами грома никаких промежутков. Почти весь лагерь проснулся, и Тиле в соседней кровати тоже, она, конечно же, тут же спрашивает, где Дора была? С ним встречалась? Дора отвечает: да, прогулялись немного, а теперь вон что началось. Они пережидают, пока гроза не уйдет, на улице заметно похолодало, Дора пошла распахнуть окно и заодно взглянуть на его балкон, но там темно.

Дождь не прекращается до утра, а потом и до вечера, доктор приходит лишь после обеда, но приходит, ибо это уже почти стало для него привычкой - сидеть у нее на кухне и ее расспрашивать, и запас вопросов у него неиссякаем. Ей по душе официальность его обращения на "вы", она знает, это лишь антураж, временный маскарад, который они однажды отбросят. Ведь она может ему сказать: "Я вспоминала о вас, сегодня за завтраком мы о вас говорили, вы все еще думаете о Берлине?" Она-то беспрестанно об этом думает. Иной раз ей приходится себя одергивать, настолько погружается она в эти мечты, в мыслях она уже

приводила его к себе, в свою комнату на Мюнцштрассе, хотя ничего хорошего, даже водопровода, в этой комнате нет, в сущности, это просто жалкая каморка: койка, шкаф и окно на темный задний двор.

Она решила, что ему лет тридцать пять, значит, он старше ее лет на десять. Но он не здоров, он сам сказал, застудил себе верхушки легких, из-за этого и морской воздух, и этот пансион в лесу; не будь он уже столько лет болен, они бы не встретились.

Его рот, его губы, его слова, в которые она окунается, словно в ласковые волны. Прежде ни один мужчина так на нее не смотрел, он видит ее насквозь, видит ее плоть, видит, как под кожей все в ней трепещет, и ей от этого хорошо.

Однажды она очень счастлива - это когда он пересказывает ей свой сон. Во сне он едет в Берлин, уже много часов сидит в поезде, но по непонятным причинам поезд тащится ужасно медленно, то и дело останавливаясь, он в отчаянии, уже ясно, что из расписания они безнадежно выбились, а ведь на вокзале его должны встречать, в восемь вечера, но сейчас уже семь, а они еще даже не пересекли границу. Такой вот сон. Доре тоже иногда что-то похожее снилось, и главное в этом сне, как ей кажется, - это что его ждут. Ей лично, говорит она, было бы совсем нетрудно его дождаться: ну, села бы на скамейку и просидела бы полночи. Доктор спрашивает:

- Да, вы в самом деле так думаете?

До вчерашнего дня он церемонно обращался к ней "барышня", и ей это нравилось, но теперь он зовет ее просто Дора, а ведь Дора происходит от "дара", что ж, раз так, пусть принимает, она ждет.